

Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края)

Ирина Ивановна Русинова

(Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а)

Аннотация. Статья, материалом которой послужили мифологические тексты Пермского края, посвящена описанию действий, совершаемых родственниками или односельчанами умирающего колдуна, реже — самим колдуном, чтобы облегчить и ускорить его смерть. Эти действия направлены на избавление от «знания», которое колдун не смог или не успел передать другим людям. Такое «знание», так же как и подвластные колдуну злые духи, считается опасным и греховным. Чтобы он быстрее умер, его могут обмыть, как покойника; осуществить его символическую рубку; забрать мучающих его бесов. Некоторые действия может произвести сам колдун: «выпустить» слова заговоров в дымоход печи, наговорить эти «слова» на воду и вылить в печь, пересечь ту или иную границу дома (матицу, порог) и т.п. Большинство действий связано с конструктивными элементами дома. Чтобы колдун не мучился и быстрее умер, его родственники делают отверстие в верхней границе дома. Пол как нижний рубеж гораздо реже используется для размыкания границ. Меньше, чем границы, участвуют в облегчении тяжелой смерти колдуна такие части дома, как окно, дверь. В традиционной культуре Пермского края выполнение вышеуказанных действий направлено на защиту членов семьи колдуна от опасности, которую представляют бесы, пребывающие в нем, и колдовские знания, способные перейти к кому-либо из близких.

Ключевые слова: мифологические рассказы, Пермский край, колдун, знахарь, трудная смерть колдуна, символическое значение элементов дома.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

Дата поступления статьи: 2 декабря 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

Для цитирования: Русинова И. И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 136–148.

DOI: 10.26158/ТК.2020.21.1.010

ВВЕДЕНИЕ

«Колдун — персонаж низшей славянской мифологии, представляющий из себя реального человека с демоническими свойствами, полученными от рождения или в результате заключения договора

с нечистой силой» [Агапкина 2004, 528]. Исследование традиционной культуры Пермского края показывает необыкновенную устойчивость представлений о колдунах. Об этом свидетельствуют сборники текстов (см. список источников),

монографии, выполненные в том числе на мифологическом материале пермского региона [Христофорова 2010; 2013; 2016; Четина, Роготнев 2010], многочисленные неопубликованные записи, хранящиеся в архивах ПГНИУ и ПГГПУ.

В данной статье будут рассмотрены те представления о колдунах, которые связаны с его смертью. «Различаются хорошая (праведная, счастливая) и плохая смерть... Легкой смертью награждаются праведные люди, тяжелой, трудной, мучительной наказываются ведьмы, колдуны (пока не передадут свое «знание»), грешники» [Толстая 2012, 61]. Занятие колдовством в деревенском сообществе осознается как грех, именно поэтому во многих текстах мучительная смерть колдуна трактуется как божье наказание, как расплата за этот грех: «*Лидия колдовать могла. Zalюбит какого парня, уйдёт за три-четыре километра, сделает что-то, он к ней ночью придёт. Лидия страшной смертью помирала. Упала она как-то и ходить не смогла. И ослепла к тому же. На печке лежала, и черви её ели. Правда, люди говорят, что колдунов черви едят. А Лидию господь довёл, чтобы она лежала и ничего делать не могла*» (с. Дмитриевское, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 709]. Освободиться от такого греха можно через покаяние: «*Если бесистый попу не покается, биси ему помереть не дают, мучают*» (с. Искор, Чердынский р-н) [ФА ПГНИУ, № 124].

СПОСОБЫ ОБЛЕГЧЕНИЯ СМЕРТИ КОЛДУНА, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЧАСТЯМИ ДОМА

Колдун умирает тяжелой смертью, об этом знает он сам, знают его родственники, знают все деревенские жители. Поэтому перед смертью он старается передать свое «знание» и подвластную ему нечистую силу другому человеку: «*Им ведь легче умирать-то, если они кому-то своё дело передадут*» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 71]; «*Колдуны, уже они такие вредные. Когда умирают, своим детям порчу передают. Вот у нас колдун-то умирал. В избе помереть не мог, в сенях только умер. Скрючился аж весь. Тяжело умирал*» (д. Тетерина, Соликамский р-н) [ФА ПГНИУ, № 446]; «*Например, я колдун и умирать буду, пока не*

передам, не помру. Колдун умирает, и язык <у него> вытягат» (д. Новая Зырянка, Усольский р-н) [ФА ПГНИУ, № 476].

Иногда человек получает «знание», даже не подозревая об этом, чаще всего через касание или наговоренные еду/питье. Однако и такого человека мучает перед смертью нечистая сила, он страдает и не может долго умереть: «*Мужик один умирал (ему кто-то знания колдовские передал), а он и не знал. Вот умирать-то стал, тогда ему всё мерещился кто-то, просил с него что-то. Кричал сильно, ругался, будто били его*» (с. Нердва, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 805]; «*Были у нас одни, тут через дом жили, Оськины, людей портили. Осиха-то, она печку затопит и всё чертей выгоняла, как курей. "Кыш-кыш!" — на них, как на курей, а ничего вроде и не было. А брат мой Федор, он пил бутылку с Оськиным, так из-за этого помирал долго*» (д. Баяндина, Чердынский р-н) [ФА ПГНИУ, № 443].

Это тайное «знание» в Пермском крае может называться по-разному: *грамота, наука, учение; дело, искусство, мастерство, работа, ремесло, умение; порча, дар, способность; сила, секрет, наследство* и т.п. Очень часто такое «знание» ассоциируется с сакральными текстами — заговорами, молитвами — и обозначается следующими терминами: *слова, заговоры, наговоры, молитвы, заклинания, махлушки, махлы, запуки* и т.п. Широко распространено и представление о связи этого «знания» с нечистой силой, подвластной колдуну, в этом случае «знание» может называться *биси, черти, мелкие, сатанинное*.

Мифологические тексты Пермского края зафиксировали множество сочетаний, обозначающих передачу «знания» умирающим колдуном неопиту: *давать науку, научить словам, передать бесей, передать грамотку, передать дар, передать дело, передавать наследство, передавать порчу, передать ремесло, передать силу, передать слова, передать чертей, сдать грехи, учить на бесей, учить сказке, учить на чертей* и многое другое.

Если же колдун все-таки не смог или не успел передать свое «знание» другому человеку, он переживает жестокие мучения, которые ему причиняют черти-помощники. Для описания таких действий существует целый ряд глаголов: *бить, донимать, кожилить, козулить,*

косотать, котосать, ломать, маять, мучить, торощить и др. «<Соб.: Как колдун умирает?> Ну, конечно, они, говорят, маются. Их черти **косотают, косотают да ломают**, что вот он это делает, дак его не принимают в тот мир» (с. Камгорт, Чердынский р-н) [ФА ПГНИУ, № 441а].

Члены семьи колдуна, реже односельчане в соответствии с традиционными представлениями должны совершить определенные действия, чтобы ему помочь, — облегчить и приблизить его смерть. Известны разные способы. Например, в русских деревнях Коми-Пермяцкого округа, чтобы ускорить смерть колдуна, его обмывают, как покойника: «Если колдун не может умереть, его обмоют живого, как покойника, и тогда только умрёт» (д. Базуево, Гайнский р-н) [Бахматов и др. 2008, 248]. Есть и другой способ — рубка топором. Символическая рубка топором в традиционной славянской культуре использовалась для уничтожения опасности и пресечения зла [Усачева 2009, 492]. В этом случае «Колдун если долго не умирает, корыто на его навалят и рубят потихоньку. “Кого рубишь?” — “Беса”. И тогда он скорее умрёт» (д. Базуево, Гайнский р-н) [Бахматов и др. 2008, 247]. Такой же способ уничтожения болезни с использованием ритуального дилеза используется в Пермском крае для лечения утина (радикулита) у взрослых и собачьей старости (рахита) у детей: «Утин **рубил** в семье первый и последний ребёнок: последний топор прикладывал, а первый спрашивал» (д. Мазуевка, Кишертский р-н); «Утин, спина болит, его рубили топором. Положишь на спину осиновое полено, на поясицу, и **руб**ишь» (с. Урталга, Куединский р-н) [СРГЮП 3, 286]; «Был у нас парень такой, как старик. Говорят, собачья старость... Опрокинешь, скажем, положишь его на лавку, и на его — корыто. И по корыту-то хлещут чем-то. **Рубят** топором: “Не тебя рублю, собачью старость, Не тебя рублю, собачью старость”» (Зап. от Нины Григорьевны Андрюковой, 1930 г.р., п. Керчевский, Чердынский р-н. Соб. И. И. Русинова. 2009 г.) [ДА ПГНИУ, № 2009-АНГ].

Еще один способ избавить умирающего колдуна от мучений и ускорить его смерть — забрать подвластных ему бесов. Это могли сделать только родственники колдуна, как правило, его дети.

В традиционной культуре Пермского края очень подробно разработаны мотивы оборотничества этого вида нечистой силы. Мы можем привести длинный ряд слов, называющих облик, в котором могут предстать эти духи перед людьми, чаще детьми: *зайцы, мыши, котята, крысы, цыплята, птички, воробьи, гуси, змеи, черепахи, мошки, мухи, комары, осы, черви, тараканы, бабочки, пауты, булавки, стеклышки, рыба чешуя* и др. [Русинова 2010, 18–25].

Один из самых частотных обликов бесов — духов — помощников колдуна — муха. Ниже мы приводим текст, демонстрирующий этот облик нечистой силы. В тексте нет идеи передачи бесов родственникам, потому что по сюжету колдунья не собиралась умирать, она ушла на тот свет внезапно. Однако рассказчица предполагает, что дочь колдуньи этих бесов забрала, т.е. мотив перехода нечистой силы от старшего колдуна к родственникам все же реализован: «Потом у нас тут у колодца жила тожо колдунья Нюра. Она уехала, чертей-то оставила, в госте уехала в Боровск к дочери ненадолго. Чертей-то оставила в голбце, надавала, наверно, им исть да чё, и оставила, и уехала. А там заболела, пошла в больницу, ей операцию стали делать чё-то и зарезали. Умерла. Черти-ти остались. Потом тут жила женьшына <через стенку>, а Бухариха жила. Она говорит: “Сколько я хлеб ле чё ле оставляю на столе, приду — у мян ничё на столе нет, цисто. Это хто у меня всё съедат?” Оне по голбцу-ту туды выйдут да у её всё сжорют, исть захочут. Ладно. Потом, говорит: “Я, цё жо делать-то? Это черти. Пришла, положила, гот, хлеба нарошно и сама, гот, погляжу. Гляжу, говорит, такие долгоногие, грит, ходят, жорют хлеб-от вот **мухи**”. Да, мухи, дак ног-то у мух-то, гот, нет, а то вот такие ноги долгие, ходят мухи у меня жорют. “Ой, чё делать? Я, говорит, открыла двери-те да пушиэ захлопнула скорей, чтобы оне услышали, что я иду. Всё. Зашла, говорит, постояла — нигде никого нет. Потом чё, значит, чё делать сейчас? Я, говорит, взяла голбесное окошко открыла у ё (т.е. колдуньи) на улицу — и оне вылетели, улители, потом, говорит, у меня не стало”. <Соб.: А куда они улители?> А не знаю. Приезжала дочь-то из Соликамска-то, может, она

собрала да увезла. <Соб.: Думаете, дочь-то тоже знает?> Да как не знать? Знат, большая уж дак, все равно наученная (Зап. от Клавдии Спиридоновны Нижегородовой, 1922 г.р., п. Керчевский, Чердынский р-н. Соб. И.И. Русинова. 2009 г.) [ДА ПГНИУ, № 2009-НКС].

Более наглядно мотив облегчения смерти колдуна через забирание, присвоение родственниками его бесов-помощников демонстрирует следующий текст: «Который маму испортил, Илья Николаевич, у него Наталья жена была. Он когда стал умирать, никак не может умереть. У него это всё колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может умереть. А вот это всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили вот как **паути** большие летают летом, вот такой величины **мухи** всё облепили полностью-полностью, даже ничего не видно было, окно облепили эти мухи. Наталья пришла, видит: он уже сутки мучается, вторые, всё равно не умирает. Она пришла, взяла тазик, взяла веничек, в этот тазик всех забрала. И он душу отдал. А она сама помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие **цыплятки** бегали, по всем бороздам цыплятки бегали. Их хватали, дочь хватала... Там и красные, и жёлтые, зелёные, всякие бегали. Поймали, и она тогда тоже померла» (д. Вильва, Соликамский р-н) [Подюков и др. 2006, 164–165].

Одним из способов избавления колдуна, знахаря от тайного «знания» является его физический контакт с кем-то из младших родственников, обычно с внуками, не подозревающими об истинных намерениях умирающего. Чаще всего такое желание колдуна маскируется просьбой попроситься, в последний раз погладить по руке и т.п. Именно держание за руку, поглаживание по руке, по данным мифологических текстов, является для колдуна, знахаря способом избавиться от мучений и «отдать свое» другому человеку: «Бабушка моя много чё знала. Порчу сводила, хвори всякие лечила. А как смерть-то пришла — умереть не может. Мама мне говорила: “Ты, Нюра, бабушке руки не подавай, когда просить будет”. Верно. Пошли прощаться к ей, она: “Шибко худо мне, Аннушка, **дай мне руку**. Дай хоть погладить последний раз перед смертью”.

И так жалобно смотрит... Я уж хотела к ей поближе подойти, да мама меня отдёрнула. Я у мамы спрашивала, почто нельзя к бабушке приходить, дак она меня грозилась вицей отлупить. Сейчас я уж сама понимаю, в чём дело» (с. Нердва, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 805]; «Раньше говорили, что колдуньям умирать трудно было. Перед смертью им всегда надо было их умение (больше плохое) отдать кому-то. Когда они умирали, к ним боялись подходить, чтобы она не **взяла за руку**, не передала своё плохое умение» (с. Сива, Сивинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 487].

Есть способы облегчения смерти колдуна, реализуемые тогда, когда некому передать «знание». В этом случае сам колдун может производить определенные действия, например, произносить тексты заговоров, которыми владеет, в дымоход: «А я вот слышала, в соседней деревне была старуха-колдунья. Ей надо умирать, а у ней никто не берёт. Родственникам навеливат — они тоже не берут. Ак она, говорят, **в трубу** давай **выпускать**. Трубу, говорит, открыла, чтобы туда вот выпускать. Вот **что знат**, то и выпускает, видимо. Говорит чё-то туда. Им передать надо, тогда они легко умрут» (с. Насадка, Кунгурский р-н) [Подюков и др. 2007, 219–220]. Похожий способ обрести легкую смерть, когда колдун не смог или не захотел передать то, что знает, другому человеку, — произнести слова заговоров на воду и эту воду затем вылить в печь: «<Соб.: Колдуны тяжело умирают?> Ну дак, говорят, они раньше тоже знают, <что умрут>. Вот одна бабушка здесь тоже умерала... они чё-то там читают, читают, читают, воду выливают в печь, где золу выгребают, дак их и не мучает» (с. Романово, Усольский р-н) [ФА ПГНИУ, № 904]; «Сколько у нас колдунов-то было, когда умирали, на воду нашенчук и в печку выливают, чтобы легче им умирать было. А то они не могут умереть-то, бьются» (д. Разим, Усольский р-н) [Подюков и др. 2004, 144].

Один из способов собравшегося умереть колдуна освободиться от «слов» — передать их через какой-либо предмет домашнего обихода. Например, он может наговорить «слова» на веревку, завязать на ней узелки и закопать в землю [Христофорова 2010, 178].

Пересечение символической границы дома еще одна возможность легко умереть: *«Колдуны тяжело умирают. Говорят, если колдун, ему сложно, ему надо через матицу перейти. Я когда пришла, соседка, она знающая была, дак она тут же через порог перешагнула, тут в малированное ведро села и умерла»* (д. Плесо, Гайнский р-н) [Бахматов и др. 2008, 248].

Известны более редкие случаи облегчения смерти колдуна. Один из таких — переселение души умирающего колдуна в собаку: *«Колдунья у нас жила, все знали, что колдунья, но ничего не говорили. Умирала она долго. Мучилась, кричала, никому знания не могла передать, вот и мучилась. И все собаки в округе выли. Потом разом затихли. Мужики решили пойти посмотреть, умерла ли она. Пошли к ней в дом, а им из дома навстречу собака чёрная, огромная такая, бросилась и в сторону леса убежала с воем. Зашли в избу, а она, ведьма эта, лежит на кровати вся скорченная и лицо страшное такое. Отмучилась, всё. А собаки той никто раньше никогда не видел. Не было у неё собаки. Старики говорили, что душа её чёрная в виде собаки вышла»* (с. Нердва, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 805].

Собака в народных представлениях наделяется двойственной символикой и различными демоническими свойствами. Выход души умершего колдуна из дома в облике собаки не случаен. У славян «распространены поверья о появлении в собачьем или кошачьем обликах ведьмы, черта, души умершего, особенно заложного покойника и вампира» [Гура 2012, 94].

СПОСОБЫ ОБЛЕГЧЕНИЯ СМЕРТИ КОЛДУНА, СВЯЗАННЫЕ С ЧАСТЯМИ ДОМА

Однако большая часть действий, облегчающих смерть умирающего колдуна, направлена на конструктивные элементы крестьянского дома и производится другими людьми. Некоторые такие действия описаны в словаре «Славянские древности» [Левкиевская 1999, 533]; словосочетания, называющие эти действия, в том числе используемые в мифологических текстах Пермского края, рассмотрены в работе М. А. Грановой [Гранова 2014, 14–16].

Общеизвестно, что «жилище — это не только материальный объект. В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием “дом” в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира» [Байбурин 1983, 3]. «Дом противопоставлен внешнему миру и потому является объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил» [Плотникова, Усачева 1999, 116]. Сам колдун и пребывающие в нем злые духи, несомненно, являются такими силами. Поэтому действия, направленные на облегчение смерти колдуна, в конечном итоге имели целью избавление от опасности.

Значительная часть описываемых в статье действий связана с верхней границей дома, которую представляет крыша и другие конструктивные элементы: *охлупень (или конек), стропила, потолок, матица*. «Через крышу, по верованиям славян, выходит из дома душа умирающего. Поэтому в случае длительной агонии приподнимали или снимали конек крыши (о.-слав.)» [Валенцова 2004, 17]. У не передавшего «знания» колдуна всегда трудная смерть и длительная агония, поэтому в мифологических текстах описано много способов реального или символического размыкания верхней границы дома. Считается, что, если сделать в ней отверстие, злые духи, подвластные колдуну и мучающие его перед смертью, выйдут из него и через это отверстие покинут дом. Важность в описываемых практиках именно верхней границы дома часто подчеркивается сюжетом мифологического текста: *«Ой, тяжко они <т. е. колдуны> умирают. Сами собой стропила поднимаются. Что-то должно вылететь из них и переселиться в другого человека, а иначе тяжко умирают. Смотреть страшно, как мучаются»* (с. Юсьва, Юсьвинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 608].

Рассмотрим примеры из мифологических текстов Пермского края.

Действия, связанные с крышей дома

В рассказах о смерти колдуна описаны разные манипуляции, производимые на крыше: *крышу поднимали, отрывали от нее доски, ее разбирали, распиливали* и т.п. Приведем некоторые контексты: *«Одна старуха умерала, дак по ней и змеи,*

и лягуши ползали. Она всё: “Ой, тяжело, ой, тяжело, уберите их!” **Крышу** потом **поднимали**» (г. Чермоз, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 608]; «А умирать она <т. е. колдунья> стала — ей-Богу, сама видела! — её в чулан закрыли и спутали. **Крышу** у дома **разобрали**, чтоб бес из неё вылетел. **Шибко** мучилась, тяжело умирала» (с. Комарово, Осинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 465].

Действия, связанные с охлупнем

Записано множество текстов, в которых производятся действия, связанные с **охлупнем**, или **коньком**, дома (в пермских говорах такая деталь называется еще **князёк**, **верхняя слега**, **коневая слега**, **отливень**, **шов**) — бревном, брусом, идущим по гребню двускатной крыши. Этот элемент, венчающий дом, **выворачивают**, **отдирают**, **отламывают**, **отрывают**, **поднимают**, **разбирают**, **разворачивают**, **раскрывают**, **снимают**, **сворачивают**, **шевелют** и пр.

Приведем примеры, в которых такая деталь называется охлупень: «<Соб.: Говорят, колдуны тяжело умирают?> Да. Им даже на крышу лазят, **охлупень отдирают**. Колдун мучится, не может <умереть, если> он не передал никому <колдовство>. Ему передать надо, а он не передал. Скоропостижно они не умирают, маются, извиваются» (г. Чермоз, Ильинский р-н) [ФАПГНИУ. № 608]; «Этот Иван Петрович-то <к> нам ходил. У нас, говорит, была бабушка, а у неё были три сына и четвёртая дочь: Алёшка, Пронька, Ваня... Она начала умирать. Она никому не передала — её ломат. Потом-де этому Алёшке: “Сходи, охлупень оторви. Дай мне успокоиться”. — “Колдовала дак, тебе хорошо было, а щас майся лежи”. Убёг. “Ванька, бежи, **охлупень оторви**”. — “Не пойду”. Ну, беда её донимали, дак она даже к косяку к дверям вставала берёзой. Старуха уже была. На голову встала, ноги кверху, и всё. Вот как **кожилило** их! Потом кто-то пришёл, говорит: “Вы чё над старухой-то издеваетесь? Если уж ей смерть пришла, пускай уж”. Да, не знаю, кто-то пришёл из чужих людей, **охлупень-то пошевелили** — душу отдала. Вот какое наказание!» (д. Городище, Юсьвинский р-н) [Бахматов и др. 2008, 248]; «Да, колдуны тяжко умирают. Вот в этом доме умирала колдунья, женщина. Ох и тяжко ей было! Так пока сын не залез на крышу, пока **охлупень** не **разобрал**, всё не могла умереть. Под лавку

аж её затащило между ножек, еле достали (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Шумов 1991, 3549–350]; Им очень тяжело умирать, колдунам-то. Чтобы умереть им легче было, надо **охлупень-то приподнять**» (д. Перино, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 749].

В мифологических текстах такая часть дома часто называется князьком: «<Соб.: Как колдуны умирают?> Тяжело: нужно открыть, сломать все преграды: окна, двери, заборы. Колдуны все стены царапают. Но пока **князёк** с **крыши** не **оторвёшь**, колдун не пропадёт» (д. Комариха, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 709]; «Да, это вылазят на крышу, и там этот, называется **князёк**, его **пошевелият**, и вот человек умрёт. А то он мучается, умереть не может. Если он знающий» (Верещагинский р-н) [Христоворова 2010, 86]; «Черти у него <т. е. колдуна> маленькие были. Он никому не передал. Пока **князёк** не **сняли** с **крыши**, он не умер. А язык у него вот такой — до живота» (д. Лопайха, Кишертский р-н) [Подкоков и др. 2008, 295]; «А когда, говорят, колдун умирает — знаю, вот у нас, например, в доме был колдун, я знаю, — что надо с **крыши князёк снимать**. Вот князьки, вишь, вот крыша, вот князёк, вот вишь, вон такие доски, надо обрывать доску. И тогда он, человек, умрёт, не мается. А вот эта бабка, мы лежали, она встала ночью умирать. Ой, как она ревла, как ревла! А чё, ночь, где, кто пойдёт снимать-то князёк-от? Да, у её язык, я счас помню, как она «б-б-б-б», язык вот так выдвигается долго, потом он утянется опять. Ой, мы все из этой палаты убежали в другую, все перепугались» (Зап. от Александры Васильевны Головиной, 1938 г.р., с. Сретенское, Ильинский р-н. Соб. Ю. А. Шкуратов, Ю. В. Зверева, 2012 г.) [ДА ПГНИУ, № 2012-ГАВ]; «<Соб.: Мы слышали, что колдуны долго мучаются перед смертью.> Да, Бог-то его не берёт. Чтобы колдун умер, надо **князёк** на **крыше сорвать**» (г. Чермоз, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 608].

В рассказах о тяжелой смерти колдуна этот элемент верхней границы дома часто называют коньком, реже отливнем: «За речкой у нас колдунья жила. Умирала очень долго, три дня мучилась. Сорока по коньку бегала все три дня. Муж **оторвал конёк** и сбросил сверху. Сорока перестала бегать, и старуха умерла. Она вылетела из окна сорокой» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 72]; «Колдун, говорят,

душу чёрту продаёт, а не богу. Они, говорят, тяжело помирают, колдуны-то. Чтоб колдун помер, **конёк подымать** надо. Тогда он скоро помрёт» (д. Тетерина, Соликамский р-н) [ФА ПГНИУ, № 446]; «Ещё ведь если знающего ломат шибко, **конёк** на крыше **разбирают**» (с. Андреево, Кишертский р-н) [Подюков и др. 2008, 106]; «Она шибко мучилась — помереть не могла, три дня по полу каталась. Потом уж дочь её на крышу залезла, **конёк разворотила** — сразу померла» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 71]; «Бабушка моя много чё знала. Порчу сводила, хвори всякие лечила. А как смерть-то пришла — умереть не может... Потом мама велела отцу у избы на крыше **конёк раздвинуть**. Это чтоб духу легче вырваться было» (с. Нердва, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 805]; «А тут ишо старуха одна была. Когда умерла, рот у неё вот эдак вот скривило... А у другой — смерть пришла, а она умереть не может, мается. Дык пока **конёк** не **сняли**, умереть не могла» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 72]; «**Отливень убирали** с крыши, **конёк-то**, чтоб она <т. е. колдунья> умерла легче» (с. Юговское, Кунгурский р-н) [Подюков и др. 2007, 220].

Действия, связанные с потолком

Размыкали верхнюю границу дома и производили манипуляции с **потолком**: «Ещё когда колдуны умирают тяжело, надо **поднимать потолок** или крышу сворачивать» (п. Сейва, Гайнский р-н) [Подюков 2003, 34]; «Была в наших местах бабка-колдунья. Когда умирала, так долго мучилась. Пока не **убрали доски в потолке**, не умерла. Её часто видали: то чёрной кошкой, то копной сена кажется, а то в огороде шаром катится» (с. Щекино, Усольский р-н) [Подюков и др. 2004, 215]; «В соседях дедушко был. Умирал, так бился, что **вырезали потолочины** две. Чтоб душа вышла, две надо» (д. Городище, Юсьвинский р-н) [Подюков и др. 2008, 91]; «Он <т. е. колдун> долго не может умереть. Надо снять трубу и **дырку сделать**. Да, в **потолке** прямо. Тогда он скорей дух отдаст. А передать — он родне передаёт» (п. Рябинино, Чердынский р-н) [ДА ПГНИУ, № 2016-ПНС].

Действия, связанные с матицей

Похожие действия совершались с **матицей**: «Колдуны тяжело умирают. Здесь

умирал один, дак доску, **матицу поднима-ли**. Пока не подняли, он не умер» (д. Морозково, Кишертский р-н) [Подюков и др. 2008, 106]; «<Соб.: Как облегчить смерть колдуна?> **Матицу подымают** али **разбирают потолок**» (г. Усолье) [ФА ПГНИУ, № 476]; «Когда этот колдун умирает, там где-то **матицу**, там, на чердаке, **срывают**. Тогда человек умрёт легко» (г. Красновишерск) [ДА ПГНИУ, № 2019-БАП].

Для того чтобы облегчить смерть колдуна, необязательно было осуществлять действительное размыкание верхней границы дома, достаточно было коснуться определенного элемента или ударить по нему: «А чтоб колдун-то умер, надо на крышу залезть и **шов задеть** — охлупень. Колдун-то умереть не может, потому что слова не передал. А шов-то заденешь, он и умрёт» (г. Чермоз, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 608]; «Надо **верхнюю слегу поколотить**, чтобы колдун скорее умер» (д. Грудная, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 709]; «Если колдуны не передают свои знания, то очень трудно умирают. Чтобы человек сильно не маялся, когда умирает, лезут на крышу и берёзовой палкой три раза **стучат по коньку**» (п. Сейва, Гайнский р-н) [Подюков 2003, 34]; «Да у нас вот <старуха> умирала. Оно, видно, знает. Умереть никак не могла. Нам сказали: вы **стукните три раза, всем, хоть не колдун, стукните перекладину на вышке**. Ну и чё. Палкой с Нинкой стукнули. Спустились — и старуха умерла. А то мается, мается» (д. Грудная, Карагайский р-н) [ФА ПГНИУ, № 709].

Известны тексты, когда размыкание верхней границы дома, в котором умирает колдун, производит не человек, а нечистая сила. Человек в этом случае становится свидетелем событий, он слышит звуки, сопровождающие действие, но результатов действия не видит: «Александр Четин рассказывал, как однажды на рыбалку ездил. Поехали они с рыбаками на речку Чёрную, раньше спали в палатках, а тут к одной старухе напросились. Слышали, что она ведунья и знахарка, поговаривали, что она с нечистой силой знает. Вечером она рыбакам и говорит: «Выйдите прочь из избы, я помирать буду». Они ей не поверили. Она повалилась на кровать, стонать стала дико, язык длинный, нечеловеческих размеров изо рта вывалился, пол ходуном заходил, и слышно было, как

доски на чердаке кто-то ломает, вытаскивает. Рыбаки испугались, выскочили. Но вскоре всё затихло, зашли в избу — старуха мёртвая лежала. Полезли на чердак, а там все доски целы» (г. Очёр) [ФА ПГНИУ, № 613].

Действия, связанные с полом

Элементы нижней границы дома (пол, порог) тоже участвовали в действиях, направленных на облегчение смерти колдуна. Правда, таких текстов немного: «Федюня-колдун умирал, у Васьки отец, никак умереть не мог, пока три **половицы** с полу из угла не **вынули**» (д. Исаково, Чердынский р-н) [ФА ПГНИУ, № 441а].

Действия, связанные с окном (форточкой), дверью

Кроме крыши и других верхних элементов дома, в обрядах облегчения смерти умирающего колдуна могли быть задействованы и другие наделенные высоким семиотическим статусом части дома: **окно, дверь**. «Окно, наряду с порогом, дверью, воротами, печной трубой, осмысливается как граница между своим (домашним) и чужим (внешним) пространством, обеспечивающим связь обитателей дома с внешним миром... Семантика окна как медиатора между “тем” и этим светом проявляется в похоронном обряде и в поверьях, связанных с областью смерти. Окно, наряду с дверью и печной трубой, — путь, по которому души умерших и мифологические персонажи проникают в дом и покидают его» [Виноградова, Левкиевская 2004, 534].

Однако в мифологических текстах эти части дома упоминаются не так часто. Считается, что, если открыть окно (в современных домах форточку), дверь, душа колдуна или его злые духи покинут дом через эти локусы: «За речкой у нас колдунья жила. Умирала очень долго, три дня мучилась. Сорока по коньку бегала все три дня. Муж оторвал конёк и сбросил сверху. Сорока перестала бегать, и старуха умерла. Она вылетела из **окна** сорокой» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 72]; ««Соб.: Как колдуны умирают?» Тяжело: нужно **открыть, сломать** все преграды: **окна, двери, заборы**. Колдуны все стены царапают. Но пока князёк с крыши не оторвёшь, колдун не пропадёт» (д. Комариха, Ильинский р-н)

[ФА ПГНИУ, № 709]; «Жил в Наташке бес, говорить ей не давал. Когда с бабами собирались, если кто соврёт, бес кричал: “Ты чё, дура, врешь”. Бес, когда Наташка в больнице лежала, сказал ей: “Пропадёшь сегодня... или завтра!” С того времени просыпалась она каждый день, а на тумбочке её вырванный зуб лежал. Когда последний зуб выдернули, Наташка умерла. **Форточка открыта была**» (д. Комариха, Ильинский р-н) [ФА ПГНИУ, № 709]; «Колдун умирает — **форточку надо открывать**» (с. Юговское, Кунгурский р-н) [Подюков и др. 2007, 220]; «Колдунов много было, друг другу передавали. Ты не хочешь, а передадут. Вон баба на горе жила. Она умирала, говорит: “Князёк сними или вьюшки переверни”. А сноха догадалась, заругалась на неё. Всех детей из дома увела. Она, знать, знала чё, умереть и не могла. Тут соседка пришла, **дверь** открытую оставила и говорит: “Пахомихину смерть в тар-тарары”. Три раза сказала, и та умерла. Соседка тоже колдунья был. Бог той смерти не давал — нагрешила много, портила. А открыть чё — душа и вылетит. Баба-то не передала и не могла умереть» (с. Бикбарда, Куединский р-н) [Черных 2004, 71]; «Если шибко мучаются, когда умирают <колдуны>, трубу открывают, **двери открывают**» (д. Кекур, Усольский р-н) [Подюков и др. 2004, 144].

Точно так же, как с верхней границей дома, в ситуации с окном и дверью, достаточно было обозначить намерение их открыть, пусть и символически: «Если умирает знахарь, **снимают с окон наличники**» (с. Троицк, Кунгурский р-н) [Подюков и др. 2007, 220].

Действия, связанные с печной трубой

Большая группа текстов содержит рассказ об открывании трубы, если колдун мучился и долго не мог умереть. «Траптовка печной трубы определяется представлением о ней как о вертикали, соединяющей верх (крышу, небесный мир) и низ (дом, земной мир); жилые и нежилые (чердак) части помещения; внутреннее и внешнее. Наряду с окном и дверью, этот локус относится к границе своего и чужого пространства, противопоставляется двери как регламентированному входу и выходу... Осмысляясь как путь сообщения с иным миром и зона контактов с ним, труба маркирована в обрядах

семейного и годового циклов, гаданиях, магии и др.» [Андрюнина 2012, 325].

В магических практиках Пермского края печная труба широко используется. Например, по данным мифологических текстов через нее проникают в дом демонические существа: вещица, колдунья, огненный змей. Более всего распространены рассказы о вещице (векшице): «*Векшица — та же ведьма. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают*» (д. Кашка, Куединский р-н); «*Как-то векшица летала — женщина, мёдом вымазана, в перьях вываляна, через трубу вылетает на помеле*» (д. Большой Букор, Чайковский р-н) [Черных, Русинова, Шкуратов 2016, 65].

Дымоход мог осмысляться как «канал связи» с потусторонним пространством. Через печную трубу колдуны, например, общались с нечистой силой: «*У меня старуха была знакомая, дак, говорили: с лешим зналася. У меня руки болели, экзема была, и вот всё её просила: “Вылечи”. И она мне: “Ты не веришь, дак я из-за того не могу помочь”. Вот взялась как-то, давай в трубу кричат: “Помоги бабе-то, помоги”. Она всё его Михаил Иванович звала, помоги, мол, Михаил Иванович (пгт Монино, Усольский р-н) [Подюков и др. 2004, 210]. В дымоход звали потерявший скот или не пришедшего вовремя человека: «Петровна нашего ещё семилетним леший водил. Слешовали его. За конями его послали, он и пошёл. Идёт по лесу, видит: старуха большая на пне сидит. А это леший и был. Петрован потом сказывал: “Увели они меня с собой, дали мне зайца шкурить. Ну, ошкурил, умею это. Лёг спать потом, а леший будит, кричит: “Поешь, а потом спи”. Потом я просыпаюсь, леший будит: “Домой тебя зовут, печку затопили, дым идёт, тебя в трубу гаркают”. Завил, завил дорогу-ту мне, а тут отпустил: “Иди, — говорит, — только не оглядывайся. И скажи в деревне, чтобы меня не ругали»» (д. Лызиб, Соликамский р-н) [Подюков и др. 2006, 152].*

Следует отметить, что данный обряд сегодня трансформируется. В экспедиции 2019 г. нам удалось записать текст о том, что в отсутствие в жилище печной трубы зовут человека не в дымоход, а в титан — водогрейный котел на дровах: «*В трубу кричат — это в деревне в трубу. А если у меня титан есть, ну, он жо топится тожо. Если тебе вот надо что, ты*

*можешь просить: “Уж ты дым-батюшка, как я тебя люблю. Не падай ни на воду, ни на землю, а поди на ретивое сердце рабу божию Коле, чтоб в еде недоедал, во сне не засыпал, в работе не зарабатывал, в гильбе не загуливал, а жил и думал (если мать) о матери своей”. И три раза насказать. И сказать: “Аминь, аминь”. И: “Все святые, помогите мне”. <Соб.: Вот эти слова в трубу зачем говорили?> Это чтобы скотина домой пришла. И даже человек придёт. Он даже за границей, говорит, может ветром этим дохнуть, не то ли что где. <Соб.: Это надо кричать только в Великий четверг?> Почему? В любое время. <Соб.: А куда кричать-то?> Ну вот в деревне-то вот это чело, вот тут и говорить. А в титан-то вот так **говорить** <наклоняется>. Здесь **заглядывать надо**» (Зап. от Анны Павловны Бычиной, 1933 г.р., г. Красновишерск. Соб. И. И. Русинова, Ю. В. Зверева, Ю. А. Шкуратов, М. А. Гранова. 2019 г.) [ДА ПГНИУ, № 2019-БАП].*

«В похоронной и погребальной обрядности актуализируется семантика дымохода как пути на “тот свет”» [Андрюнина 2012, 326]. Считается, что по этому каналу дом покидает душа умершего человека. В мифологических рассказах Пермского края широко представлен следующий мотив: через печную трубу улетает из дома душа умершего колдуна и подвластные ему злые духи: «*Степаха умерла давно, больно мучилась. Говорят, черти ломали её. А чтоб ей легче помереть было, **трубу открывали**. Говорят, еретница была*» (д. Усть-Говоруха, Красновишерский р-н) [Жданова и др. 2002, 35]; «*У Нюры мать умирала. Долго не могла умереть. А дочь **трубу открыла**, чтобы сыну не передала мать колдовство*» (с. Большие Кусты, Куединский р-н) [Черных 2004, 72]; «<Соб.: Как колдун умирает?> Ну, конечно, они, говорят, маютяся. Их черти косотают да ломают. <Соб.: Как облегчить его смерть?> **Надо открыть трубу, чтоб у него скорее дух вылетел из комнаты**» (с. Камгорт, Чердынский р-н) [ДА ПГНИУ, № 2011-СВВ]; «**Трубу открывали**. К ней не подступали, она много грешила, всяко людей портила. Ангелы не подходят, она больно грешиная, а нечистые духи её в трубу вытащили» (с. Осинцево, Красновишерский р-н) [Подюков и др. 2008, 106].

Надо отметить, что описанные выше способы могут использоваться и в том

случае, когда умирает «испорченный» человек, т.е. такой, в которого колдун, в соответствии с мифологическими представлениями, «посадил» злого духа (*икотку, пошибку*): «*Ой, у меня мать сама с порчей была... Сидели у ней четверо. "Я Павел-Григорий, — говорил, — а баба моя татарка, и двое робята у нас"... И потом она захворала, заболела, всё лежала. Он (т.е. вселенный колдуном злой дух, вызывающий болезнь «икоту». — И. Р.) вечером позвал меня к себе: "Девонька, подойди к нам". — "Чё, Павел-Григорий?" — "Сёдня она умрёт, а ты не спи одна-то, по бабку Полю сходи". — "Умирать-то будете, хоть в нас-то не лезьте, я с тобой всю жизнь маюсь". — "Ой, нет, ты нас всю жизнь поила, кормила, мы в тебя не полезем. **Открой трубку, увидите, когда она плоха станет совсем, или двери открой". И верно, трубку-то открыла и двери-то тоже, и куды они девались, не знаю**» (п. Пожва, Юсьвинский р-н) [Бахматов и др. 2008, 251].*

Кроме размыкания, можно было производить и другие действия с конструктивными элементами дома, например переворачивание. Такое действие производили с **вьюшкой**¹. Ее назначение — закрывать или открывать дымоход, поэтому она тоже имела высокий семиотический статус. Выше мы приводили примеры, когда демонстрировали открывание трубы, т.е. открывание задвижки. Однако с этим предметом могли производить и другое значимое в традиционной культуре действие — переворачивание, которое «в апотропеической магии служит для отвращения опасности, в частности смерти, болезней, сглаза, нечистой силы»

[Левкиевская 2004, 679]. Пребывающие в колдуне злые духи и сам колдун, несомненно, представляли опасность для членов его семьи, поэтому в случае его тяжелой смерти родственники могли производить и такое действие: «*Колдунов много было, друг другу передавали. Ты не хочешь, а передадут. Вон баба на горе жила. Она умирала, говорит: "Князёк сними или **вьюшки переверни**"*» (д. Бикбарда, Куединский р-н) [Черных 2004, 71].

Анализ текстов мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами показывает чрезвычайную распространенность мотивов, связанных со смертью колдуна, реже знахаря. По данным таких текстов облегчить тяжелую смерть «знающего человека» можно разными способами, цель которых — избавить его от магического знания и подвластных ему злых духов, которые, как считается, не умирают вместе с колдуном, а должны перейти к другому человеку. Значительная часть мифологических текстов, записанных на территории Пермского края, описывает такие способы облегчения агонии умирающего колдуна, знахаря, которые связаны с различными конструктивными частями дома, символизирующими, прежде всего, его границы: крышей, охлупнем, потолком, матицей, полом, окном, дверью, печной трубой, вьюшкой. Реальное или символическое размыкание границ дома в соответствии с отраженными в мифологических текстах представлениями способствует выходу из дома злых духов, подвластных колдуну, а вместе с ними сакрального «знания» и души этого колдуна.

Источники и материалы

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 3: Во — Вящий. М.; СПб.: Наука, 2005.

Бахматов и др. 2008 — Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Матер. и исследования. Пермь: ОТиДО, 2008.

ДА ПГНИУ — Диалектологический архив при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

Жданова и др. 2002 — Жданова Н. В., Подюков И. А., Хоробрых С. В. Вишерская старина: Сб. фольк.-этногр. матер. по обрядовой традиции Красновишерского р-на. Пермь: ПРИПИТ, 2002.

Подюков 2003 — Деревня Монастырь на Каме-реке: Сб. фольк.-этногр. матер. по Гайнскому р-ну / Сост. И. А. Подюков. Пермь: ПОИПКРО, 2003.

Подюков и др. 2004 — Подюков И. А., Белявин А. М., Крыласова Н. Б., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Уольские древности: Сб. тр. и матер. по традиционной культуре русских Уоль-

¹ «Вьюшка — это железная или чугунная задвижка, закрывающая отверстие в дымоходе для прекращения тяги воздуха» [БАС 3, 657].

ского района конца XIX–XX вв. Усолье; Соликамск; Березники: Перм. кн. изд-во, 2004.

Подюков и др. 2006 — *Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В.* Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006.

Подюков и др. 2007 — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.* В каждой деревне что-то да разное: Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь: Тип. купца Тарасова, 2007.

Подюков и др. 2008 — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: Матер. и исследования. Березники: Тип. купца Тарасова, 2008.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 3: (Ра — Ять) / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2012.

ФА ПГНИУ — Фольклорный архив при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

Черных 2004 — *Черных А. В.* Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: ПОНИЦАА, 2004.

Шумов 1991 — Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов; Худ. С. Ковалев. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991.

Исследования

Андрюнина 2012 — *Андрюнина М. А.* Труба печная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 325–329.

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983.

Валенцова 2004 — *Валенцова М. М.* Крыша // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 15–18.

Виноградова, Левкиевская 2004 — *Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е.* Окно // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 534–539.

Гранова 2014 — *Гранова М. А.* Модели вербализации мотива облегчения смерти колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края, Архангельской области

и Восточной Сибири) // Слово в традиционной и современной культуре: Тез. V межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 14–16.

Гура 2012 — *Гура А. В.* Собака // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 93–95.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Колдун // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать — брать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 528–534.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Переворачивание предметов // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 679–681.

Плотникова, Усачева 1999 — *Плотникова А. А., Усачева В. В.* Дом // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать — брать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 166–120.

Русинова 2010 — *Русинова И. И.* Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 18–25.

Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 58–71.

Усачева 2009 — *Усачева В. В.* Рубить // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 490–494.

Христофорова 2010 — *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ: РГГУ, 2010.

Христофорова 2013 — *Христофорова О. Б.* Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции. М.: РГГУ, 2013.

Христофорова 2016 — *Христофорова О. Б.* Одержимость в русской деревне. М.: Неолит, 2016.

Черных, Русинова, Шкуратов 2016 — *Черных А. В., Русинова И. И., Шкуратов Ю. А.* «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 62–79.

Четина, Роготнев 2010 — *Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010.

© И. И. Русинова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Русинова И. И. <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а; тел.: +7 (342) 212-60-08; e-mail: irusinova@mail.ru

Ways of Mitigating the Death of a Sorcerer (Based on Russian Mythological Stories from the Perm Region)

Irina I. Rusinova

(Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences:
13a, Lenin str., Perm, 614990, Russian Federation)

Summary. This article, based on mythological texts from the Perm Region, describes the actions performed by relatives or fellow villagers of a dying sorcerer (less often by the sorcerer himself) that ease and speed up his death. These actions are aimed at getting rid of the special knowledge that the sorcerer could not or did not have time to pass on to other people. Such “knowledge,” as well as evil spirits subservient to the sorcerer, are considered dangerous and sinful. In order that the sorcerer die faster, they can wash him like a dead man; cut him symbolically; take away the demons that torment him. The sorcerer may perform some actions himself, for example: “release” the words of spells into the chimney pipe; say these words onto water and pour it into the stove; cross a particular border of the house (a “matitsa” [joist] or threshold), etc. Most actions are associated with the structural elements of a house. In order that the sorcerer not suffer and die faster, his family may make a hole in the top edging of the building. The floor as the lower boundary of the house is much less often used for making openings. Parts of the house such as windows and doors are less often involved in facilitating the wizard’s death than those on its margins. In the traditional culture of the Perm Region these actions, described in the article, are aimed at protecting members of the sorcerer’s family from the danger posed by the demons that reside in him, and performed so that magical knowledge can pass to one of his relatives.

Key words: mythological texts, Perm Region, sorcerer, healer, difficult death of a sorcerer, symbolic meaning of house construction.

Acknowledgements. The study was supported by grant from the Russian Science Foundation, project No. 19–18–00117, “Traditional Russian culture in the area of inter-ethnic contacts between the Ural and the Volga Regions.”

Received: December 2, 2019.

Date of publication: March 25, 2020.

For citation: Rusinova I. I. Ways of Mitigating the Death of a Sorcerer (Based on Russian Mythological Stories from the Perm Region). *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 136–148. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.1010

References

- Andryunina M. A.** (2012) Truba pechnaya [Chimney]. In: Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar’ [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 325–329. In Russian.
- Baiburin A. K.** (1983) Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostočnykh slavyan [Housing in the Ceremonies and Views of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. In Russian.
- Chernykh A. V., Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A.** (2016) “Veshchitsa” v mifologičeskikh rasskazakh russkikh Srednego Prjamiya [“A Thing”

in Mythological Narratives of Russians from the Middle Basin of the Kama River]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2016. No. 2. Pp. 62–79. In Russian.

Chetina E. M., Rogotnev I. Yu. (2010) Simvolicheskie real’nosti Parmy: Očerki traditsionnoi kul’tury Permskogo kraja [Symbolic Realities of Parma: Essays on the Traditional Culture of the Perm Region]. Perm: Perm. gos. un-t. In Russian.

Granova M. A. (2014) Modeli verbalizatsii motiva oblegčeniya smerti kolduna (na materiale mifologičeskikh rasskazov Permskogo kraja, Arkhangel’skoi oblasti i Vostočnoj Sibiri) [Verbalization Models Concerning the Motif of

Mitigating a Sorcerer's Death (Based on Mythological Stories from the Perm Region, Arkhangelsk Region and Eastern Siberia)]. In: Slovo v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture [The Word in Traditional and Contemporary Culture]. Proceedings of the V Intern. Conf. of Young Scientists. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Pp. 14–16. In Russian.

Gura A. V. (2012). Sobaka [Dog]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 93–95. In Russian.

Khristoforova O. B. (2010) Kolduny i zhertvy: antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii [Sorcerers and Victims: The Anthropology of Sorcery in Modern Russia]. Moscow: OGI; RGGU. In Russian.

Khristoforova O. B. (2013) Ikota: Mifologicheskii personazh v lokal'noi traditsii [Hiccup: A Mythological Character in a Local Tradition]. Moscow: RGGU. In Russian.

Khristoforova O. B. (2016) Oderzhimost' v russkoi derevne [Obsession in the Russian Countryside]. Moscow: Neolit. In Russian.

Levkievskaya E. E. (1999) Koldun [Sorcerer]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 528–534. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2004) Perevorachivanie predmetov [The Turning of Objects]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 679–681. In Russian.

Plotnikova A. A., Usacheva V. V. (1999) Dom [House]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 166–170. In Russian.

Rusinova I. I. (2010) Eshche raz ob oblike besovskom. Stat'ya 1 (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraia) [Once Again about Demonic Images. Article 1 (Based on Mythological Narratives from the Perm Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. No. 3 (9). Pp. 18–25. In Russian.

Tolstaya S. M. (2012) Smer't [Death]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 58–71. In Russian.

Usacheva V. V. (2009) Rubit' [To Cut]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 4. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 490–494. In Russian.

Valentsova M. M. (2004) Krysha [Roof]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 15–18. In Russian.

Vinogradova L. N., Levkievskaya E. E. (2004) Okno [Window]. In: Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 534–539. In Russian.

© I. I. Rusinova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Rusinova <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

E-mail: irusinova@mail.ru

Tel.: +7 (342) 212-60-08

13a, Lenin str., Perm, 614990, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)